

ТЕНЬ НАД СЕМИРЕЧЬЕМ

АМИНА НУР

Амина Нур

Тени над Семеречьем

<https://litres.ru/74274282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она потеряла всё в один день. Отец убит, город сожжён, а любимый предал её за имперское золото. Единственное, что у неё осталось, — карта тайных горных троп, спрятанная у самого сердца.

Теперь за ней охотится вся империя Дайе. Единственный шанс на спасение — отряд сурового степного вождя Алп-Тархана. Он не доверяет чужакам. Она не доверяет никому. Но ледяные бури, соляные пустоши и арбалеты имперских лазутчиков не оставляют выбора: чтобы выжить, им придётся научиться доверять друг другу.

Её оружие — расчёт и чертежи. Его сила — клинок и воля. Вместе они смогут то, что не под силу целой империи. Но смогут ли они спасти друг друга, когда цена победы станет слишком высокой?

«Тени над Семиречьем» — это история о предательстве и прощении, о двух мирах, которые встречаются в огне, и о любви, которая рождается из доверия.

Содержание

Пролог: Осколки зеркал	4
Глава первая. Пыль и шелк	8
Глава вторая. Бирюзовая река и стальные нервы	13
Глава третья. В тени заснеженных пиков	18
Глава четвертая. Поднебесный шторм	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тени над Семеречьем

Пролог: Осколки зеркал

Согдиана, Мараканда. За три года до того, как рухнул мир.

Айсулу казалось, что жизнь пахнет сушеным инжиром, раскаленным на солнце камнем и тем особым, чуть терпким ароматом чернил из слив и гранатового сока, какими Карач выводил на пергаменте трактаты о процветании великого Шелкового пути.

В прохладной полутьме отцовской библиотеки, скрытой за массивными дверями из карагача, время словно замирало. Снаружи, за глинобитными стенами цитадели, кипел шумный, жадный до наживы город, гремели колесницами купцы из далёкого Китая, спорили о пошлинах персы. Но здесь, среди высоких рядов свитков, существовал только Карач.

Он был старше всего на три года, но в его тёмных, сосредоточенных глазах уже жила мудрость тех древних царей, что когда-то возводили эти стены. Карач был её идеалом — человеком, чей острый разум казался Айсулу несокрушимым щитом против любых бурь.

— Смотри, Айсулу, — его пальцы, испачканные чернилами, легко коснулись её ладони, указывая на тонкую линию чертежа на пергаменте. — Империя Дайе с её огромными

армиями и каменными дорогами похожа на неповоротливого глиняного колосса. Она рухнет от собственного веса. А мы... мы будем теми, кто направит потоки караванов в обход их застав. Мы сохраним свободу Согдианы. Силой ума, а не меча.

Айсулу затаила дыхание. Она верила каждому его слову. В её наивном, чистом воображении Карач был воплощением чести, света и будущего. Она отдала ему свою первую, трепетную любовь, видя в нем ту самую «половинку», без которой её мир казался неполным.

Но реальность оказалась куда холоднее маракандского мрамора.

Тяжелые двери библиотеки распахнулись не от мягкого прикосновения слуги, а от грубого удара сапога. В комнату ворвались вооруженные имперские стражи в непривычных, чужеродных латах Дайе. За их спинами, кутаясь в богатый дорожный плащ, шел Карач. На его лице больше не было мягкой улыбки ученого. Только холодный, расчетливый блеск глаз, оценивающих сделку.

— Ты... ты привёл их? — Айсулу отшатнулась к стеллажам, чувствуя, как подкашиваются ноги. Свиток с тайными картами отца выпал из её онемевших пальцев.

Карач даже не посмотрел ей в глаза. Он брезгливо перешагнул через упавший пергамент и обратился к командиру отряда на ломаном согдийском:

— Отец этой девчонки был мятежником. Карты перева-

лов здесь, в этой комнате. А сама она... сделайте с ней что хотите, мне она больше не нужна. Залог за мою верность императору Дайе уплачен сполна.

В этот момент зеркало её мира расколосось, обнажив не свет, а зияющую пустоту предательства. Она любила не живого человека, а собственную сладкую фантазию о нём. Карач оказался трусливым и циничным предателем, обменявшим её жизнь и память отца на имперское золото.

...Но это было лишь начало.

Несколько лет спустя. Зима у подножия Тянь-Шаня.

Снежная буря завывала в ущелье так, будто тысячи голов пытались заглушить стук человеческих сердец.

Айсулу лежала на шкурах в тесной юрте, чувствуя, как лихорадочный жар сменяется ледяной дрожью. Запах саксаулового дыма и овечьей шерсти теперь казался ей единственным запахом безопасности в этом суровом, беспощадном мире.

Рядом, тяжело опираясь на деревянный стол, стоял Алп-Тархан. На его широких плечах лежал тяжелый плащ, усыпанный колючим снегом, а на щеке чернел свежий шрам от недавней стычки с наемниками. Он не был похож на утонченных согдийских книжников. Он не писал трактатов о высоком и не клялся в вечной любви под звуки цитр.

Алп-Тархан был груб, упрям, пах степным ветром, кровью и металлом. Но именно он, рискуя жизнью своего отряда,

вытащил её из той страшной ловушки. Именно его огромные, мозолистые руки закрывали её от ледяного ветра в горах, пока она проклинала свою слепоту по прошлому.

Алп-Тархан повернулся к ней. В его прозрачных, светлых глазах не было фальшивых обещаний — только суровая правда выживания и то обжигающее притяжение, против которого оба были бессильны.

— Хватит дрожать, согдийская птичка, — его голос прозвучал низко и неожиданно мягко. Он опустился на колено рядом с её ложем и протянул ей пиалу с горячим, крепким бульоном. — Потерпи. Скоро перевал затянет окончательно, и даже волки Дайе не смогут нас преследовать.

Айсулу посмотрела на него, чувствуя, как осколки разбитого вдребезги зеркала её прежней жизни окончательно осыпаются на дно памяти, уступая место чему-то настоящему, опасному и живому.

Глава первая. Пыль и шелк

За месяц до снежной бури. Караван-сарай на северной границе Шёлкового пути.

Воздух в постоялом дворе пах пережженным саксаулом, кислым вином из глиняных кувшинов и дорогим бактрийским мускусом.

После гибели отца Айсулу брела по пыльным дорогам Шёлкового пути, пряча карту под одеждой. Она слышала от купцов, что на северной границе Семиречья, у караван-сарая, собирается отряд, который не подчиняется Дайе — им командует молодой, суровый вождь Алп-Тархан. Говорили, он враг империи и может предложить убежище тем, кто ищет свободы. Айсулу не было выбора: она пошла туда, потому что это был единственный луч надежды.

Айсулу прижалась спиной к прохладной глиняной стене, стараясь раствориться в тени тяжелой шерстяной занавеси. Под ее тонким согдийским платьем из крашеного в цвет индиго шелка, прямо на обнаженной коже, тугими витками был обмотан кусок тончайшей выделанной кожи. На нем тушью были вычерчены тайные тропы через Тянь-Шань и схемы застав, которые империя Дайе возводила на границе Семиречья. Её отец отдал за эту карту жизнь, умерев с открытыми глазами на пыльной обочине Шёлкового пути. Теперь эта карта была ее проклятием — и ее единственным билетом на

выживание.

— Не прячься, птичка, — раздался над ухом низкий, чуть хрипловатый голос, от которого по коже пробежала крупная дрожь.

Айсулу резко вскинула голову. Перед ней стоял он.

Алп-Тархан нависал над ней, словно утёс над горным ручьём. На нем не было изнеженного шелка — только тяжелый кожаный кафтан, пахнувший ветром, терпкой овчиной и первобытной свободой. Его жесткое, обветренное лицо пересекал едва заметный шрам прошлой битвы, а в светлых глазах читался опасный, дикий огонь. Он смотрел на нее так, будто видел насквозь, прикидывая, чего стоит эта хрупкая кость под тонким шёлком.

— Я не прячусь, десятник, — как можно холоднее ответила Айсулу, вскинув подбородок. — Я просто смотрю, как твои сородичи пропивают остатки нашей общей свободы.

Алп-Тархан качнул головой, и уголок его губ дрогнул в усмешке. Он сделал шаг ближе — так близко, что Айсулу физически ощутила жар, исходящий от его мощного тела. Пространство между ними мгновенно сузилось.

— Мои сородичи хотя бы честны в своей ненависти, в отличие от твоих согдийских торговцев, которые продадут за горсть китайских монет даже собственные обереги, — тихо, почти интимно произнес он, наклоняясь к ее самому уху. Его дыхание коснулось ее рассыпавшихся по плечам темных прядей. — Говорят, за твою хрупкую головку императорские

евнухи из Дайе обещают столько золота, сколько сможет унести верблюд. Почему ты еще не сбежала на юг, Айсулу?

— Потому что юг в огне, — выдохнула она, не отводя глаз, хотя сердце билось где-то в горле. — И потому что без моих знаний ты и твой отряд застрянете на первом же ледяном перевале.

Алп-Тархан протянул руку и кончиками грубых, огрубевших от тетивы пальцев легко коснулся ее щеки. Айсулу судорожно втянула воздух. Это прикосновение обожгло сильнее пламени.

— Значит, мы пойдем на север, — прошептал он, не отрывая взгляда от ее губ. — Через снега, через бури и через твои тайны. Но запомни, Айсулу из Согдианы: если ты попытаешься меня предать... я найду тебя на самом краю Ойкумены.

— Сначала попробуй меня догнать, — дерзко бросила она, чувствуя, как внутри закипает опасный коктейль из страха и жгучего притяжения.

Резкий, рваный свист разорвал душный воздух галереи, заглушив гул пьяных голосов во дворе.

Алп-Тархан изменился в долю секунды. Расслабленность исчезла — перед Айсулу стоял хищник, изготовившийся к броску. С коротким лязгом его изогнутый клинок покинул ножны. Он рывком задвинул девушку себе за спину, заслонив ее широкими плечами.

Двери постоянного двора с треском распахнулись. Внутрь

хлынули люди в темных одеждах. Впереди, отбросив личину добродушного торговца, шел имперский шпион Чэнь, сжимая в руках парные короткие мечи.

— Взять согдианку! — крикнул он на гортанном дайском наречии. — Остальных в расход!

Двое наемников бросились прямо на Алп-Тархана. Тот даже не сдвинулся с места. Отразив первый удар с пугающей точностью, он сделал неуловимый шаг в сторону, и его клинок описал смертоносную дугу. Один из нападавших рухнул на глинобитный пол.

В ту же секунду с галереи второго этажа с диким степным гиканьем спрыгнул Бектур. Его тяжелая булава со свистом рассекла воздух, сокрушая первых нападающих.

— Прорываемся к лошадям! — рыкнул Алп-Тархан, хватая Айсулу за запястье. Его хватка была стальной, но странно бережной.

Они рванулись через внутренний двор. Айсулу не поддавалась панике: она знала, что в страхе нет места расчёту, а у неё был только расчёт. Ее мозг мгновенно сканировал пространство, выстраивая простейшие законы равновесия и рычагов.

Путь к конюшням перекрывала вторая волна наемников. Они оказались в ловушке между горящими жаровнями и массивными деревянными воротами, над которыми нависал тяжелый грузовой навес с тюками нечесаной шерсти. Взгляд Айсулу метнулся к натянутым толстым пеньковым канатам,

удерживающим всю конструкцию на центральном столбе.

— Алп-Тархан! — крикнула она, перекрывая звон стали, и указала на тугой трос. — Руби левый! Только левый опорный канат!

Степняк не стал тратить драгоценные секунды на споры. С разворота, вложив в удар всю мощь корпуса, он обрушил меч на толстую пеньку.

Канат лопнул с пушечным треском. Нарушенная статика мгновенно высвободила вес: массивные балки рухнули внутрь, и тонны тяжелой шерсти, дерева и пыли обрушились на головы преследователей, наглухо завалив проход.

— На коней! — скомандовал Алп-Тархан.

Они вырвались через задние ворота. Бектур уже держал под уздцы взмокших, горячих ахалтекинцев. Алп-Тархан вскочил в седло и, не дожидаясь, пока Айсулу найдет стремя, легко подхватил ее за талию, усаживая перед собой.

Конь рванул с места, взметая копытами сухую землю.

Айсулу вцепилась в гриву. Ледяной ветер бил в лицо, но за спиной она чувствовала ровное, как удары молота, биение его сердца. Одной рукой Алп-Тархан правил, а другой крепко и властно прижимал ее к себе.

Она обернулась. Караван-сарай остался позади, утопая в пыли. Впереди ждала крошечная тьма, дикая степь и острые пики Тянь-Шаня. Путь назад был отрезан навсегда, и теперь ее жизнь зависела от этого степного вождя, а судьба родного края — от точности ее собственных решений.

Глава вторая. Бирюзовая река и стальные нервы

Бешеная скачка сквозь ночь вымотала даже привыкших к переходам ахалтекинцев. Когда небо на востоке начало наливаться холодным, свинцовым рассветом, степь осталась позади. Отряд вошел в узкое каменное ущелье.

В долине, у входа в ущелье, их уже ждала Малика — младшая сестра Алп-Тархана, которую он отправил вперёд с двумя нукерами для разведки. Девочка подбежала к брату, но её лицо было бледным от холода и усталости. Алп-Тархан молча накинул на неё свой плащ и приказал держаться рядом.

Здесь, в тени гор, дышалось иначе. Воздух был пронзительно чистым, с привкусом хвои и колотого льда. Внизу, на дне ущелья, с оглушительным ревом несла свои воды горная река. Ее цвет был неправдоподобно ярким — густая, льдистая бирюза, вспененная о голые скалы. Одно неосторожное движение, и этот убийственно красивый поток перемолол бы кости в муку.

Алп-Тархан резко натянул поводья. Конь захрапел, осаживаясь на задние ноги прямо у края обрыва.

— Переправы нет, — мрачно констатировал подъехавший Бектур, глядя в противоположный берег. От старого висячего моста остались лишь обрывки истлевших пенько-

вых канатов да два вбитых в скалу деревянных свая.

Айсулу соскользнула с седла, чувствуя, как дрожат от усталости ноги. Она подошла к краю. Вода внизу была ледяной — таяние высокогорных ледников.

— Лошади не переплывут, — Алп-Тархан спешился, его лицо окаменело. — Течение слишком сильное. Вода сведет им мышцы судорогой на середине русла.

В этот момент эхо ущелья принесло далекий, но отчетливый звук: ритмичный стук копыт по камням и собачий лай. Погоня.

Айсулу замерла. Среди отрывистых команд на дайском наречии она отчетливо различила голос Карача. Предатель шел по их следу с упорством стервятника.

Алп-Тархан медленно вытащил меч. Звук стали, скользящей по ножнам, показался Айсулу самым страшным звуком на свете.

— Бектур, бери девчонку и уводи лошадей вверх по течению, ищите брод. Я задержу их здесь. Узкий проход, они не смогут навалиться толпой.

Он собирался умереть. Спокойно, буднично, как и положено воину, прикрывающему свой род.

— Убери меч, — голос Айсулу прозвучал неожиданно резко и звонко, перекрывая шум реки. — Нам не нужен брод. Нам нужна переправа.

Алп-Тархан обернулся, сдвинув брови:

— Ты слепая, согдианка? Моста нет.

— Значит, мы его построим. У тебя есть мотки арканов и те тяжелые бронзовые крюки, что сковал старый Арзуман?

Она не ждала разрешения. Мозг, привыкший к сложным расчетам и чертежам, уже работал на пределе, выстраивая пространственную модель. Айсулу подбежала к краю пропасти. Расстояние до того берега — не больше двадцати шагов. На противоположной стороне из скалы торчал мощный гранитный уступ с глубокой расщелиной.

— Бектур, — скомандовала она с такой властью, что здоровяк-нукер машинально вытянулся. — Привяжи бронзовый крюк к самому легкому аркану. Сможешь закинуть его так, чтобы он намертво заклинил в той расщелине на том берегу?

Бектур прищурился, оценивая дистанцию, и кивнул. Через секунду аркан со свистом рассек воздух. Крюк со звоном ударился о камень, соскользнул, но затем надежно засел в узкой каменной щели. Бектур с силой дернул веревку — держит.

— Это не выдержит вес лошади с человеком, — покачал головой Алп-Тархан. — Одинарный трос лопнет.

— Поэтому мы распределим нагрузку, — Айсулу лихорадочно связывала концы толстых тягловых канатов. — Законы равновесия, Алп-Тархан. Нам нужно изменить угол натяжения и создать систему двойной тяги.

Она быстро обмотала веревку вокруг гладкого ствола поваленной сосны, создавая надежную точку опоры.

— Тяни! — крикнула она степняку. — Используй ствол как рычаг!

Алп-Тархан перехватил канат. Мышцы на его спине и руках вздулись, кожаная куртка натянулась до предела. Он уперся сапогами в камни, и с глухим рычанием потянул. Канат натянулся, звеня, как тетива гигантского лука, образуя тугую струну над ревущей бирюзовой бездной.

— Теперь второй! Параллельно! — Айсулу работала без страха, ее пальцы, еще недавно державшие только тонкие кисти для чернил, теперь до крови сдирались о жесткую пеньку.

Через десять минут над рекой были натянуты две тугие линии, переплетенные кожаными ремнями от седел. Это было примитивно, страшно, но инженерный расчет оказался безупречен — конструкция надежно удерживала вес.

— Лошадей в поводу, по одному! — скомандовала Айсулу.

Первым пошел Бектур, ведя за собой храпящих от страха коней. Мост скрипел, прогибался, но держал. Айсулу ступила за ним следом. Под ногами бушевала ледяная смерть, ветер рвал полы платья, но она смотрела только вперед.

Они оказались на том берегу ровно в тот момент, когда из-за поворота ущелья вылетел авангард имперской конницы. Впереди, в богатом плаще, скакал Карач. Увидев беглецов на другой стороне, его лицо исказилось от бешенства.

Алп-Тархан переходил последним. Он двигался по рас-

качивающимся канатам с кошачьей грацией, ни на секунду не отводя взгляда от приближающихся врагов. Спрыгнув на твердую землю рядом с Айсулу, он даже не стал доставать нож. Одним чудовищным ударом меча он перерубил натянутые канаты в точке наибольшего напряжения.

Конструкция с оглушительным треском лопнула, и остатки переправы рухнули в бирюзовую воду, обдав брызгами взбешенного Карача, который осадил коня на самом краю противоположного обрыва.

Алп-Тархан медленно убрал меч в ножны. Он тяжело дышал. Затем повернул голову и посмотрел на Айсулу.

В его взгляде больше не было ни насмешки, ни снисхождения к «городской птичке». Только глубокое, тяжелое уважение.

— Законы равновесия, значит? — его губы дрогнули в полуулыбке.

— И простая механика, десятник, — выдохнула Айсулу, пытаясь унять дрожь в окровавленных руках.

Он молча снял свои теплые кожаные перчатки и протянул ей. В этом простом жесте было больше признания, чем в тысяче слов.

Глава третья. В тени заснеженных пиков

Чем выше поднимался отряд, тем безжалостнее становился мир вокруг.

Зелёные предгорья остались далеко внизу, сменившись суровым, молчаливым царством камня и льда. Воздух здесь, на вершинах Тянь-Шаня, стал разреженным, колючим — каждый вдох обжигал горло ледяной крошкой. Величественные, ослепительно-белые пики возвышались над ними, словно равнодушные стражи древности, а под копытами коней глухо хрустел наст.

Для Малики, младшей сестры Алп-Тархана, этот переход стал испытанием на пределе сил. Девочка держалась из последних сил, закутавшись в слишком большой для неё шерстяной плащ, но к исходу дня забилась в лихорадочном ознобе прямо в седле.

Алп-Тархан метался у походного костра, хмурый и тёмный лицом. Он привык воевать, привык побеждать в стычках, но сейчас был совершенно беспомощен перед лицом высокогорной болезни и пронзительного холода, истощавших его сестру. В степных законах не было места жалости к слабым, но в его груди глухо и болезненно ворочалось отчаяние.

Айсулу молча подошла к нему, оттеснив плечом. Она опу-

стилась на колени перед Маликой, приложила ладони к её ледяному лбу и тут же принялась рыться в своей дорожной седельной сумке.

— У неё жар от истощения и горного воздуха, — бросила Айсулу коротко, не терпящим возражений тоном. — Если сейчас мы просто уложим её спать без горячей еды, к утру она не встанет.

Она вытащила из сумки сушёный курдюк, горсть крупы и остатки вяленого мяса. Быстро, сноровисто разворошив угли, Айсулу повесила над ними небольшой котелок. Через полчаса над лагерем поплыл густой, невероятно аппетитный аромат наваристой шорпы с перцем и пряными горными травами.

Она сама поднесла деревянную пиалу с горячим бульоном к губам Малики, мягко уговаривая сделать хотя бы глоток. Девочка послушно выпила, и уже через несколько минут по её побледневшему лицу разлился слабый румянец — целебное тепло разошлось по телу, отгоняя ледяной кошмар.

Алп-Тархан наблюдал за этим издали. В свете костра резкие черты его лица казались высеченными из камня, но в светлых глазах плескалось такое глубокое, сдавленное облегчение, какого он не показывал никогда в жизни. Когда Айсулу выпрямилась, вытирая озябшие руки о подол, он подошёл ближе, протягивая ей её собственный котелок с горячим супом.

— Ты... странная согдийская девушка, — тихо произнёс

он, опускаясь рядом на корточки. В его голосе исчезла привычная властность, осталась лишь глухая, обнажённая благодарность. — В городах ваших учат только грамоте и торговле. Откуда в тебе столько прочности?

Айсулу горько усмехнулась, глядя на танцующие искры костра:

— Когда твой мир рушится в один день, а за спиной остаётся только пепел отцовского дома, у тебя есть выбор: либо замёрзнуть у обочины, либо научиться выживать в любых штормах.

Алп-Тархан ничего не ответил. Но его тяжёлая, мозолистая рука неожиданно легла поверх её замерзших пальцев, на мгновение передавая своё неукротимое, обжигающее тепло. Между ними повисла густая, наэлектризованная тишина, полная невысказанных слов.

Но эта хрупкая идиллия рухнула мгновенно.

Тяжёлый топот множества лошадиных копыт разорвал ночную тишину ущелья. Прежде чем нукеры успели схватиться за оружие, из темноты вынырнули всадники в высоких островерхих малахаях. Они окружили лагерь плотным кольцом, взметнув тучи снежной пыли. Факелы осветили суровые, изрезанные шрамами лица чужаков.

Впереди на вороном жеребце выехал Тархан Баян — вождь самого крупного и гордого горного рода-племени. Его глаза металли молнии, а в руке был занесён тяжёлый боевой топор.

— Алп-Тархан! — прогремел над ущельем голос Баяна, полный ярости. — Ты совсем потерял разум? Ты привёл в наши священные горы согдийскую шпионку, за которой по пятам идут имперские псы Дайе! Из-за твоей бабы нас всех сожгут вместе с нашими стойбищами! Выдавай её немедленно, или этот костёр станет последним для твоего отряда!

Нукеры Алп-Тархана синхронно обнажили клинки, вставая спина к спине. Воздух между двумя кланами накалился до предела — ещё секунда, и в горах прольётся братоубийственная кровь.

Алп-Тархан медленно поднялся с земли. Он даже не посмотрел на Баяна — он шагнул назад и встал прямо перед Айсулу, закрывая её своей широкой спиной от чужих арбалетов и жадных взглядов. Его рука уверенно легла на рукоять меча.

— Мой род отвечает за тех, кто идёт со мной, Баян, — его голос прозвучал тихо, но в нём звенела такая сталь, от которой даже закалённые в боях горцы невольно отшатнулись. — Хочешь забрать её? Пройди сначала через мой труп. И помни: если ты тронешь моих людей, завтра империя придёт и за твоими детьми.

Баян яростно оскалил зубы, сжимая топорище так, что побелели костяшки пальцев. Несколько долгих ударов сердца они смотрели друг другу в глаза, решая, начнётся ли здесь бой на уничтожение.

Наконец Баян сплюнул на снег, резко осадил коня назад

и вскинул руку:

— Ты слеп в своём безумии, Алп-Тархан! Но пусть кровь твоего рода останется на твоей совести. Уходим!

Всадники растворились в темноте так же внезапно, как и появились, оставив после себя лишь смрад конского пота и звенящую тишину высокогорья.

Алп-Тархан медленно выдохнул, но с места не сошёл. Не оборачиваясь к Айсулу, он глухо бросил в ночную тьму:

— Спать. Завтра на рассвете мы уходим выше, на плато. Там нас не найдут ни Баян, ни имперцы.

Айсулу смотрела на его мощную, напряжённую спину, чувствуя, как где-то глубоко внутри рушится последняя преграда. Этот дикий степной вождь только что поставил на кон свою жизнь, свой авторитет и безопасность своего клана — ради неё.

Глава четвертая.

Поднебесный шторм

Высокогорное плато встретило отряд не гостеприимством — лишь ледяным дыханием мёртвой пустоши. Здесь не было укрытий — лишь бесконечные волны серого снега, уходящие к горизонту до свинцового неба, которое казалось настолько низким, что до него можно было дотянуться рукой.

Небо сменило цвет за считанные минуты, сбрасывая на землю тяжёлые, удушливые тиски.

— Буря идёт, — глухо бросил Бектур, втягивая носом разреженный, колющий воздух. — Если сейчас же не поставим юрты, нас выдует из седла и заморозит за полчаса.

Но едва нукеры сорвали с вьючных лошадей войлочные пологи и начали ставить каркасы, стихия ударила с сокрушительной силой. Шквальный ветер, рождённый в ледяных мешках вершин, налетел внезапно, словно гигантская невидимая стена. Он с ходу вырвал из рук воинов тяжёлые деревянные остовы, гнул решётки стен и швырял людей на снег. Стандартная установка юрты в таких условиях была невозможна — ветер срывал купола быстрее, чем их успевали закрепить.

Алп-Тархан чертыхнулся, удерживая кренящийся шест, который норовил вырвать из рук ураган.

Отряд терял контроль над ситуацией.

— Не так! — голос Айсулу потонул в реве бури, но она уже оказалась рядом, перехватив один из наклонных шестов. Её глаза горели лихорадочным, чётким блеском разума. — Ветер бьёт по кривой дуге! Если ставить каркас прямо, его сломает пополам!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.